

Антон Чехов

Бабье царство

*Часть сборника
Рассказы. Повести. Пьесы*

АНТОН ЧЕХОВ
Бабье царство

«Public Domain»

Чехов А. П.

Бабы царство / А. П. Чехов — «Public Domain»,

«Вот толстый денежный пакет. Это из лесной дачи, от приказчика. Он пишет, что посылает полторы тысячи рублей, которые он отсудил у кого-то, выиграв дело во второй инстанции. Анна Акимовна не любила и боялась таких слов, как отсудил и выиграл дело. Она знала, что без правосудия нельзя, но почему-то, когда директор завода Назарыч или приказчик на даче, которые часто судились, выигрывали в пользу ее какое-нибудь дело, то ей всякий раз становилось жутко и как будто совестно. И теперь ей стало жутко и неловко, и захотелось отложить эти полторы тысячи куда-нибудь подальше, чтобы не видеть их...»

Содержание

I. Накануне	5
Конец ознакомительного фрагмента.	10

Антон Павлович Чехов

Бабье царство

I. Накануне

Вот толстый денежный пакет. Это из лесной дачи, от приказчика. Он пишет, что посылает полторы тысячи рублей, которые он отсудил у кого-то, выиграв дело во второй инстанции. Анна Акимовна не любила и боялась таких слов, как отсудил и выиграл дело. Она знала, что без правосудия нельзя, но почему-то, когда директор завода Назарыч или приказчик на даче, которые часто судились, выигрывали в пользу ее какое-нибудь дело, то ей всякий раз становилось жутко и как будто совестно. И теперь ей стало жутко и неловко, и захотелось отложить эти полторы тысячи куда-нибудь подальше, чтобы не видеть их.

Она думала с досадой: ее ровесницы, – а ей шел двадцать шестой год, – теперь хлопочут по хозяйству, утомились и крепко уснут, а завтра утром проснутся в праздничном настроении; многие из них давно уже повыходили замуж и имеют детей. Только она одна почему-то обязана, как старуха, сидеть за этими письмами, делать на них пометки, писать ответы, потом весь вечер до полуночи ничего не делать и ждать, когда захочется спать, а завтра весь день будут ее поздравлять и просить у ней, а послезавтра на заводе непременно случится какой-нибудь скандал, – побьют кого, или кто-нибудь умрет от водки, и ее почему-то будет мучить совесть; а после праздников Назарыч уволит за прогул человек двадцать, и все эти двадцать будут без шапок жаться около ее крыльца, и ей будет совестно выйти к ним, и их прогонят, как собак. И все знакомые будут говорить за глаза и писать ей в анонимных письмах, что она миллионерша, эксплуататорша, что она заедает чужой век и сосет у рабочих кровь.

Вот в стороне лежит пачка прочитанных и уже отложенных писем. Это от просителей. Тут голодные, пьяные, обремененные многочисленными семействами, больные, униженные, непризнанные... Анна Акимовна уже наметила на каждом письме, кому три рубля, кому пять; письма эти сегодня же пойдут в контору, и завтра там будет происходить выдача пособий, или, как говорят служащие, кормление зверей.

Раздадут по мелочам и 470 рублей – проценты с капитала, завещанного покойным Акимом Иванычем на нищих и убогих. Будет безобразная толкотня. От ворот до дверей конторы потянется гусем длинный ряд каких-то чужих людей со звериными лицами, в лохмотьях, озябших, голодных и уже пьяных, поминающих хриплыми голосами матушку-благотельницу Анну Акимовну и ее родителей; задние будут напирать на передних, а передние – браниться нехорошими словами. Конторщик, которому прискучат шум, брань и причитывания, выскочит и даст кому-нибудь по уху ко всеобщему удовольствию. А свои люди, рабочие, не получившие к празднику ничего, кроме своего жалованья, и уже истратившие всё до копейки, будут стоять среди двора, смотреть и посмеиваться – одни завистливо, другие иронически.

«Купцы, а особенно купчихи больше любят нищих, чем своих рабочих, – подумала Анна Акимовна. – Это всегда так».

Взгляд ее упал на денежный пакет. Хорошо бы раздать завтра эти ненужные, противные деньги рабочим, но нельзя ничего давать рабочему даром, а то запросит в другой раз. Да и что значат эти полторы тысячи, если на заводе всех рабочих тысяча восемьсот с лишком, не считая их жен и детей? А то, пожалуй, выбрать одного из просителей, писавших эти письма, какого-нибудь несчастного, давно уже потерявшего надежду на лучшую жизнь, и отдать ему полторы тысячи. Бедняка ошеломят эти деньги, как гром, и, быть может, первый раз в жизни он почувствует себя счастливым. Эта мысль показалась Анне Акимовне оригинальной и забавной и развлекла ее. Она наудачу потянула из пачки одно письмо и прочла. Какой-то губернский

секретарь Чаликов давно уже без места, болен и проживает в доме Гущина; жена в чахотке, пять малолетних дочерей. Гущинский четырехэтажный дом, в котором жил Чаликов, хорошо знала Анна Акимовна. Ах, нехороший, гнилой, нездоровый дом!

– Вот отдам этому Чаликову, – решила она. – Посылать не стану, лучше сама свезу, чтобы не было лишних разговоров. Да, – рассуждала она, пряча в карман полторы тысячи, – посмотрю и, пожалуй, девочек куда-нибудь пристрою.

Ей стало весело, она позвонила и приказала подавать лошадей.

Когда она садилась в сани, был седьмой час вечера. Окна во всех корпусах были ярко освещены, и оттого на громадном дворе казалось очень темно. У ворот и далеко в глубине двора, около складов и рабочих барачков горели электрические фонари.

Этих темных, угрюмых корпусов, складов и барачков, где жили рабочие, Анна Акимовна не любила и боялась. В главном корпусе после смерти отца она была только один раз. Высокие потолки с железными балками, множество громадных, быстро вертящихся колес, приводных ремней и рычагов, пронзительное шипение, визг стали, дребезжанье вагонеток, жесткое дыхание пара, бледные или багровые или черные от угольной пыли лица, мокрые от пота рубахи, блеск стали, меди и огня, запах масла и угля, и ветер, то очень горячий, то холодный, произвели на нее впечатление ада. Ей казалось, будто колеса, рычаги и горячие шипящие цилиндры стараются сорваться со своих связей, чтобы уничтожить людей, а люди, с озабоченными лицами, не слыша друг друга, бегают и суетятся около машин, стараясь остановить их страшное движение. Анне Акимовне что-то показывали и почтительно объясняли. Она помнит, как в кузнечном отделении вытащили из печи кусок раскаленного железа и как один старик с ремешком на голове, а другой – молодой, в синей блузе, с цепочкой на груди и с сердитым лицом, должно быть, из старших, ударили молотками по куску железа, и как брызнули во все стороны золотые искры, и как, немного погодя, гремели перед ней громадным куском листового железа; старик стоял навытяжку и улыбался, а молодой вытирал рукавом мокрое лицо и объяснял ей что-то. И она еще помнит, как в другом отделении старик с одним глазом пилил кусок железа, и сыпались железные опилки, и как рыжий, в темных очках и с дырами на рубахе, работал у токарного станка, делая что-то из куска стали; станок ревел и визжал и свистел, а Анну Акимовну тошнило от этого шума, и казалось, что у нее сверлят в ушах. Она глядела, слушала, не понимала, благосклонно улыбалась, и ей было стыдно. Кормиться и получать сотни тысяч от дела, которого не понимаешь и не можешь любить, – как это странно!

А в рабочих бараках она не была ни разу. Там, говорят, сырость, клопы, разврат, безначалие. Удивительное дело: на благоустройство барачков уходят ежегодно тысячи рублей, а положение рабочих, если верить анонимным письмам, с каждым годом становится все хуже и хуже...

«При отце было больше порядка, – думала Анна Акимовна, выезжая со двора, – потому что он сам был рабочий и знал, что нужно. Я же ничего не знаю и делаю одни глупости».

Ей опять стало скучно, и она была уже не рада, что поехала, и мысль о счастливице, на которого сваливаются с неба полторы тысячи, уже не казалась ей оригинальной и забавной. Ехать к какому-то Чаликову, когда дома постепенно разрушается и падает миллионное дело, и рабочие в бараках живут хуже арестантов, – это значит делать глупости и обманывать свою совесть. По шоссе и около него через поле, направляясь к городским огням, шли толпами рабочие из соседних фабрик – ситцевой и бумажной. В морозном воздухе раздавались смех и веселый говор. Анна Акимовна поглядела на женщин и малолетков, и ей вдруг захотелось простоты, грубости, тесноты. Она ясно представила себе то далекое время, когда ее звали Анюткой и когда она, маленькая, лежала под одним одеялом с матерью, а рядом, в другой комнате, стирала белье жилища-прачка, и из соседних квартир, сквозь тонкие стены, слышались смех, брань, детский плач, гармоника, жужжание токарных станков и швейных машин, а отец, Аким Иванович, знавший почти все ремесла, не обращая никакого внимания на тесноту и шум, паял

что-нибудь около печки или чертил или строгал. И ей захотелось стирать, гладить, бегать в лавку и кабак, как это она делала каждый день, когда жила с матерью. Ей бы рабочей быть, а не хозяйкой! Ее большой дом с люстрами и картинами, лакей Мишенька во фраке и с бархатными усиками, благолепная Варварушка и льстивая Агафьюшка, и эти молодые люди обоюго пола, которые почти каждый день приходят к ней просить денег и перед которыми она почему-то всякий раз чувствует себя виноватой, и эти чиновники, доктора и дамы, благотворящие на ее счет, льстящие ей и презирающие ее втайне за низкое происхождение, – как все это уже прискучило и чуждо ей!

Вот железнодорожный переезд и застава; пошли дома вперемежку с огородами; вот, наконец, и широкая улица, где стоит знаменитый дом Гущина. На улице, обыкновенно тихой, теперь по случаю кануна праздника было большое движение. В трактирах и портерных шумели. Если бы проезжал теперь по улице кто-нибудь не здешний, живущий в центре города, то он заметил бы только грязных, пьяных и ругателей, но Анна Акимовна, жившая с детства в этих краях, узнавала теперь в толпе то своего покойного отца, то мать, то дядю. Отец был мягкая, расплывчатая душа, немножко фантазёр, беспечный и легкомысленный; у него не было пристрастия ни к деньгам, ни к почету, ни к власти: он говорил, что рабочему человеку некогда разбирать праздники и ходить в церковь; и если б не жена, то он, пожалуй, никогда бы не говел и в пост ел бы скромное. А дядя, Иван Иванович, наоборот, был кремень; во всем, что относилось к религии, политике и нравственности, он был крут и неумолим, и наблюдал не только за собой, но и за всеми служащими и знакомыми. Не дай бог, бывало, войти к нему в комнату и не перекреститься! Роскошные хоромы, в которых живет теперь Анна Акимовна, он держал запертыми и отпирал их только в большие праздники для важных гостей, а сам жил в конторе, в одной маленькой комнатке, уставленной образами. Он тяготел к старой вере и постоянно принимал у себя старообрядческих архиереев и попов, хотя был крещен и венчан, и жену свою похоронил по обряду православной церкви. Брата Акима, своего единственного наследника, он не любил за легкомыслие, которое называл простотой и глупостью, и за равнодушие к вере. Он держал его в черном теле, на положении рабочего, платил ему по 16 рублей в месяц. Аким говорил своему брату вы и в прощенные дни со всем своим семейством кланялся ему в ноги. Но года за три до своей смерти Иван Иванович приблизил его к себе, простил и приказал нанять для Анютки гувернантку.

Ворота под домом Гущина темные, глубокие, вонючие; слышно, как около стен покашливают мужчины. Оставив сани на улице, Анна Акимовна вошла во двор и спросила тут, как пройти в 46-й номер к чиновнику Чаликову. Ее направили к крайней двери направо, в третий этаж. И во дворе, и около крайней двери, даже на лестнице был тот же противный запах, что и под воротами. В детстве, когда отец Анны Акимовны был простым рабочим, она жила в таких домах, и потом, когда обстоятельства изменились, часто посещала их в качестве благотворительницы; узкая каменная лестница с высокими ступенями, грязная, прерываемая в каждом этаже площадкою; засаленный фонарь в пролете; смрад, на площадках около дверей корыта, горшки, лохмотья, – все это было знакомо ей уже давным-давно... Одна дверь была открыта, и в нее видно было, как на столах сидели портные-евреи в шапках и шили. На лестнице Анне Акимовне встречались люди, но ей и в голову не приходило, что ее могут обидеть. Рабочих и мужиков, трезвых и пьяных, она так же мало боялась, как своих интеллигентных знакомых.

В квартире № 46 сеней не было, и начиналась она с кухни. Обыкновенно в квартирах фабричных и мастеровых пахнет лаком, смолой, кожей, дымом, смотря по тому, чем занимается хозяин; квартиры же обедневших дворян и чиновников узнаются по промозглому запаху какой-то кислоты. Этот противный запах обдал Анну Акимовну и теперь, едва она переступила порог. В углу за столом сидел спиной к двери какой-то мужчина в черном сюртуке, должно быть, сам Чаликов, и с ним пять девочек. Старшей, широколицей и худенькой, с гребенкой

в волосах, было на вид лет пятнадцать, а младшей, пухленькой, с волосами как у ежа, – не больше трех. Все шестеро ели. Около печи, с ухватом в руке, стояла маленькая, очень худая, с желтым лицом женщина в юбке и белой кофточке, беременная.

– Не ожидал я от тебя, Лизочка, что ты такая непослушная, – говорил мужчина с укоризной. – Ай, ай, как стыдно! Значит, ты хочешь, чтобы папочка тебя высек, да?

Увидев на пороге незнакомую даму, тощая женщина вздрогнула и оставила ухват.

– Василий Никитич! – окликнула она не сразу, глухим голосом, как будто не веря своим глазам.

Мужчина оглянулся и вскочил. Это был костлявый, узкоплечий человек, со впалыми висками и с плоскою грудью. Глаза у него были маленькие, глубокие, с темными кругами, нос длинный, птичий и немножко покривившийся вправо, рот широкий. Борода у него двоилась, усы он брил и от этого походил больше на выездного лакея, чем на чиновника.

– Здесь живет господин Чаликов? – спросила Анна Акимовна.

– Точно так-с, – строго ответил Чаликов, но тотчас же узнал Анну Акимовну и вскрикнул: – Госпожа Глаголева! Анна Акимовна! – и вдруг задохнулся и всплеснул руками, как бы от страшного испуга. – Благодетельница!

Со стоном он подбежал к ней и, мыча, как параличный, – на бороде у него была капуста, и пахло от него водкой, – припал лбом к муфте и как бы замер.

– Ручку! Ручку святую! – проговорил он, задыхаясь. – Сон! Прекрасный сон! Дети, разбудите меня!

Он повернул к столу и сказал рыдающим голосом, потрясая кулаками:

– Провидение услышало нас! Пришла наша избавительница, наш ангел! Мы спасены! Дети, на колени! На колени!

Госпожа Чаликова и девочки, кроме самой младшей, стали для чего-то быстро убирать со стола.

– Вы писали, что ваша жена очень больна, – сказала Анна Акимовна, и ей стало совестно и досадно. «Полторы тысячи я ему не дам», – подумала она.

– Вот она, моя жена! – сказал Чаликов тонким женским голоском, как будто слезы ударили ему в голову. – Вот она, несчастная! Одною ногой в могиле! Но мы, сударыня, не ропщем. Лучше умереть, чем так жить. Умирай, несчастная!

«Что он ломается? – подумала Анна Акимовна с досадой. – Сейчас видно, что привык иметь дело с купцами».

– Говорите со мной, пожалуйста, по-человечески, – сказала она. – Я комедий не люблю.

– Да, сударыня, пятеро осиротевших детей вокруг гроба матери, при погребальных свечах – это комедия! Эх! – сказал Чаликов с горечью и отвернулся.

– Замолчи! – шепнула жена и дернула его за рукав. – У нас, сударыня, не прибрано, – сказала она, обращаясь к Анне Акимовне, – уж вы извините... Дело семейное, сами изволите знать. В тесноте, да не в обиде.

«Не дам я им полторы тысячи», – опять подумала Анна Акимовна.

И чтобы поскорее отделаться от этих людей и от кислого запаха, она уже достала портмонэ и решила оставить рублей 25 – не больше; но ей вдруг стало совестно, что она ехала так далеко и беспокоила людей из-за пустяков.

– Если вы дадите мне бумаги и чернил, то я сейчас напишу доктору, моему хорошему знакомому, чтобы он побывал у вас, – сказала она, краснея. – Доктор очень хороший. А на лекарства я вам оставлю.

Госпожа Чаликова бросилась стирать со стола.

– Здесь не чисто! Куда ты? – прошипел Чаликов, глядя на нее со злобой. – Проводи к жильцу! Пожалуйте, сударыня, к жильцу, осмелюсь просить вас, – обратился он к Анне Акимовне. – Там чисто.

– Осип Ильич не велел ходить в его комнату! – сказала строго одна из девочек.

Но Анну Акимовну уже повели из кухни через узкую проходную комнату, меж двух кроватей; видно было по расположению постелей, что на одной спали двое вдоль, а на другой – трое поперек. В следующей затем комнате жильца, в самом деле, было чисто. Опрятная постель с красным шерстяным одеялом, подушка в белой наволочке, даже башмачок для часов, стол, покрытый пеньковой скатертью, а на нем чернильница молочного цвета, перья, бумага, фотографии в рамочках, все как следует, и другой стол, черный, на котором в порядке лежали часовые инструменты и разобранные часы. На стенах были развешаны молотки, клещи, буравчики, стамески, плоскозубцы и т. п., и висело трое стальных часов, которые тикали; одни часы громадные, с толстыми гирями, какие бывают в трактирах.

Принимаясь за письмо, Анна Акимовна увидела перед собой на столе портрет отца и свой портрет. Это ее удивило.

– Кто здесь у вас живет? – спросила она.

– Жилец, сударыня, Пименов. Он у вас на заводе служит.

– Да? А я думала, часовой мастер.

– Часами он занимается частным образом, между делом. Любитель-с.

После некоторого молчания, когда слышно было только, как тикали часы и скрипело перо по бумаге, Чаликов вздохнул и сказал насмешливо, с негодованием:

– Правда говорится: из благородства да из чинов шубы себе не сошьешь. Кокарда на лбу и благородный титул, а кушать нечего. По-моему, если человек низкого звания помогает бедным, то он гораздо благороднее какого-нибудь Чаликова, который погряз в нищете и пороке.

Чтобы польстить Анне Акимовне, он сказал еще несколько фраз, обидных для своего благородства, и было ясно, что он унижал себя потому, что считал себя выше ее. Она между тем кончила письмо и запечатала. Письмо будет брошено, а деньги пойдут не на лечение, – это она знала, но все-таки положила на стол 25 рублей и, подумав, прибавила еще две красных бумажки. Тощая желтая рука госпожи Чаликовой, похожая на куриную лапку, мелькнула у нее перед глазами и сжала деньги в кулачок.

– Это вы изволили дать на лекарства, – сказал Чаликов дрогнувшим голосом, – но протяните руку помощи также мне... и детям, – добавил он и всхлипнул, – детям несчастным! Не за себя боюсь, за дочерей боюсь! Гидры разврата боюсь!

Стараясь открыть портмоне, в котором испортился замочек, Анна Акимовна сконфузилась, покраснела. Ей было стыдно, что люди стоят перед ней, смотрят ей в руки и ждут и, вероятно, в глубине души смеются над ней. В это время кто-то вошел в кухню и застучал ногами, стряхивая снег.

– Жилец пришел, – сказала госпожа Чаликова.

Анна Акимовна еще больше сконфузилась. Ей не хотелось, чтобы кто-нибудь из заводских застал ее в этом смешном положении. Жилец, как нарочно, вошел в свою комнату в ту самую минуту, когда она, сломавши наконец, замочек, подавала Чаликову несколько бумажек, а Чаликов мычал, как параличный, и искал губами, куда бы поцеловать ее. В жильце она узнала рабочего, который когда-то в кузнечном отделении гремел перед ней железным листом и давал ей объяснения. Очевидно, он пришел теперь прямо с завода: лицо у него было смуглое от копоти, и одна щека около носа запачкана сажей. Руки совсем черные, и блуза без пояса лоснилась от масляной грязи. Это был мужчина лет тридцати, среднего роста, черноволосый, плечистый и, по-видимому, очень сильный. Анна Акимовна с первого же взгляда определила в нем старшего, получающего не меньше 35 рублей в месяц, строгого, крикливого, бьющего рабочих по зубам, и это видно было по его манере стоять, по той позе, какую он невольно вдруг принял, увидев у себя в комнате даму, а главное потому, что у него были брюки навыпуск, карманы на груди и острая, красиво подстриженная бородка. Покойный отец, Аким Иваныч, был братом хозяина, а все-таки боялся старших, вроде этого жильца, и заискивал у них.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.